

Он когда-то презирал этого человека, относился к нему, как к ненужной вещи, но не сожалел об этом, потому что точно знал, что тот скупой и расчетливый режиссер пятилетней давности никогда бы не вызвал у него чувств. Его привлекал тот Шэнь Шубай, который стал дерзким, свободным и живущим без оглядки.

Как эти два человека могли быть одним и тем же? Они были такими разными, и все же это был один человек.

Все те раны, которые он нанес Шэнь Шубаю, теперь вернулись к нему.

Он не мог не думать, что если бы он не оставил Шэнь Шубая тогда, тот, возможно, не опустился бы до саморазрушения, не стал бы таким черствым, равнодушным к любви и заботе других.

Се Цин думал, что его наказание уже достаточно, но не знал, что это только начало.

Менеджер принес еду и расставил ее на столе. Шэнь Мянью не видел, поэтому Се Цин начал кормить его.

Мужчина аккуратно удалил кости из рыбы и поднес кусочек нежного мяса к губам Шэнь Мянью. Когда тот проглотил, он осторожно спросил:

— Вкусно?

Шэнь Мянью помолчал, затем ответил:

— Немного пресно, но сойдет.

Се Цин на мгновение замер, сам попробовал и с грустью в глазах улыбнулся:

— Ты пациент, я специально попросил сделать еду легкой, чтобы было проще переваривать.

Менеджер, глядя на ароматную жареную рыбу, нахмурился, но, получив строгий взгляд Се Цина, промолчал.

Шэнь Мянью кивнул, но понимал, что его вкусовые ощущения ухудшились.

Из-за отсутствия аппетита он съел немного, и Се Цин не стал настаивать, приказав убрать еду. Он аккуратно вытер губы Шэнь Мянью влажным полотенцем.

Бледно-розовые губы теперь были болезненно белыми, вызывая жалость.

Се Цин наклонился и поцеловал их, ожидая насмешки, но Шэнь Шубай просто смотрел в потолок, не реагируя.

Се Цин не знал, было ли это безразличие или потеря чувствительности, но любая из причин причиняла ему боль.

Шэнь Мянью внезапно спросил:

— Се Цин, зачем ты забрал меня?

Голос Се Цина был хриплым, но твердым:

— Потому что я люблю тебя.

Мужчина на кровати слегка прищурил глаза, и под светом слезинка под его глазом стала еще более заметной. Даже в таком состоянии он был невероятно красив.

— Я не верю, — тихо сказал Шэнь Мянью.

Се Цин знал, что он не верит, иначе в тот дождливый вечер в Хайчэне он не спросил бы: «Зачем ты пришел?»

Он взял тонкое запястье Шэнь Мянью, поцеловал его и спросил:

— Почему ты не веришь?

— Когда я отдал тебе всю свою любовь, ты оттолкнул меня с таким отвращением, что даже уехал за границу. Я знал, что ты, возможно, не из этого круга, что твоя ориентация иная, поэтому я никогда не настаивал. Я просто скрывал свои чувства, молча любил тебя, помогал тебе. Я хотел, чтобы ты добился успеха благодаря моему таланту. Разве даже это было для тебя невыносимо? Ты избегал меня, как будто я был опасной болезнью.

Его слова звучали спокойно, но Се Цин чувствовал, будто его режут на куски, каждое слово вонзалось в его плоть.

— Нет, — слабо возразил он. — Я просто не мог ответить на твои чувства.

Шэнь Мянью кивнул и прошептал:

— Так и должно было быть.

Се Цин сказал:

— Но теперь все иначе. Я влюбился в тебя, нет, не просто влюбился. А Бай, я люблю тебя.

Шэнь Мянью ответил:

— Се Цин, ты знаешь меня. Моя гордость, мое достоинство не позволяют другим топтать их. Ты когда-то унизил меня, а теперь говоришь о любви. Мне это кажется смешным и жалким.

Это «жалким», конечно, было жалким из-за того, что он любил человека, которому осталось жить всего несколько дней.

Се Цин сжал кулаки и тихо сказал:

— Я знаю, но я все равно должен сказать это. Я боюсь, что ты не услышишь мой голос, что не почувствуешь мои объятия и поцелуи. Я не прошу ответа, я знаю, что не заслуживаю его. Но я не могу молчать...

Шэнь Мянью закрыл глаза, больше не желая говорить. В глазах Се Цина появилась влага, и он прошептал:

— Я рассказывал тебе о своих детских травмах. Тогда ты спросил, почему моя мать так поступила. Сейчас я скажу тебе причину.

— До того, как мать вышла замуж за отца, у нее был любимый человек. Но из-за власти или

большой выгоды тот мужчина предал ее. Ее заставили выйти за моего отца. Она разочаровалась в том человеке и была в ярости на отца, поэтому решила отомстить. Она терпела долгое время, пока не родила меня, но в итоге не смогла победить свои демоны. Она изменяла отцу, делала безумные вещи, чтобы выразить свой протест против него и насмешку над любовью.

— А отец говорил, что очень любит мать, поэтому не отпускал ее. Он запер ее в психиатрической больнице, хотя это была скорее закрытая лечебница. Он часто навещал ее, насиловал, слушал ее слова и прощал даже ее измены, но никогда не отпускал и не позволял ей умереть.

Се Цин мягко обнял Шэнь Мян и сказал:

— Поэтому я никогда не ненавидел мать. Она была несчастна, заперта в клетке «любви» отца, и поэтому сошла с ума. Я думал, что любовь — это носитель зла, что она лжива и ужасна, приносит только несчастье. Я думал, что никогда не коснусь ее, но, встретив тебя снова, я стал другим человеком.

— Шэнь Шубай, скажи, я, должно быть, задолжал тебе в прошлой жизни, раз так сильно привязался к тебе?

Шэнь Мян дрогнул ресницами, открыл глаза и спросил:

— Сколько мне осталось?

Се Цин не ответил.

Шэнь Мян положил руку на его плечо и тихо сказал:

— Ты прав, любовь — не лучшее чувство. Когда я любил тебя, я страдал так, что хотел умереть. Теперь ты любишь меня... и ты страдаешь так же. Поэтому хотя бы сегодня не произноси это слово.

Се Цин резко замер. Он сказал, что страдает так же... Почему? Его сердце бешено забилося, в нем зародилась надежда и страх.

Шэнь Мян не дал ему задать вопрос. Он нащупал губы Се Цина и поцеловал их, легко разжигая его желание, даже будучи слепым.

...

Когда наступило утро, Се Цин смотрел на изящного мужчину под собой, глядя в его чистые глаза, и чувствовал, как его сердце тает. Он хотел спросить, любит ли он его до сих пор?

Но он боялся ошибиться, хотя не мог не надеяться.

Он собрался с духом, чтобы спросить, но увидел, как губы Шэнь Шубая дрогнули, и остановился, ожидая, что тот скажет первым.

Через мгновение Шэнь Мян спокойно произнес:

— Я больше не слышу.

Глаза Се Цина наполнились слезами. Он почувствовал, как силы покидают его, глядя на Шэнь

Шубая, который не видел и не слышал, на его губах играла странная улыбка. Се Цин чувствовал, будто его внутренности разрываются на части, боль была настолько сильной, что дышать стало трудно.

Самое мучительное наказание в мире — это когда ты понимаешь, что ошибался, и хочешь исправить все, но тот, кому ты хочешь это сделать, уже не может почувствовать твою вину, он отдалился от твоего мира.

С течением времени чувства Шэнь Мяня продолжали угасать, пока не осталось только осязание. Когда оно исчезнет, наступит его смерть.

Шэнь Мянй считал часы, которые ему осталось прожить.

Кто-то поднял его с кровати, завернул в широкое пальто и понес на руках, выйдя из больницы.

Если бы его обоняние не исчезло, он бы по запаху узнал, кто это, но теперь это было невозможно.

Он мог бы вызвать системный интерфейс и посмотреть, но ему это было неинтересно. Он уже почти мертв, зачем напрягаться?

В этот момент он принял свою судьбу. Он уже умирал раньше, только на этот раз не будет воскрешения. В этом нет ничего страшного.

Он смирился, но это только сильнее ранило других.

Цинь Чжэн держал его на руках, спокойно направляясь к крыше больницы. Он знал, что не сможет забрать Шэнь Шубая у семьи Се в Цзинчэне, да и смысла в этом уже не было. Он просто хотел побыть с ним.

<http://bllate.org/book/15553/1415037>